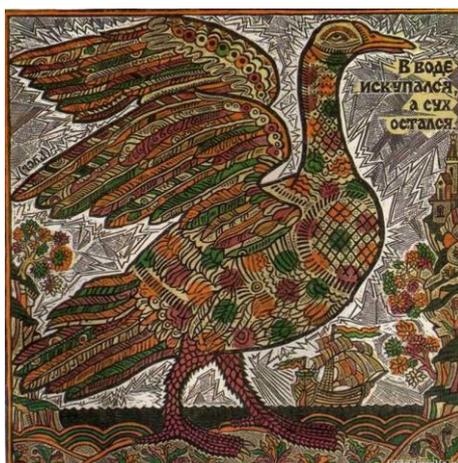

Павел Гусь

СКАЗ О КИТЕ КИТОВИЧЕ И МЕДВЕДЕ МЕДОВИЧЕ

2021

Было ль, не было то, Один Бог весть. Хочешь, слушай, да знай честь.

А в русской земле то случилось. Прямо, тута всё было. До нóнешнего слух бродит, да спать не даёт. Да и не могло такого боле нигде статься, так как не было тогда в иных землях, как здесь на Руси, подобного Божьего единства между тварью и человеком, меж травами и небесными телами, меж рыбой и животиной, меж птицей и облаком. Не было более смысла, нежели пред небытием и тьмой кромешной. Глухо да сумрачно тогда в окружных тех, немых да тёмных землях было.

А жили в ту пору на торговом возу, да у всех на глазу, да близ града Китежа, да вся свора с ними жа – Кит Китович, да Медведь Медович - лихие братья, не разлей окиян, не сожги мать-бурьян. Братья духовного родства, аки с разных дерёв одного цвёту листва.

У Кита Китовича привоз был знатный. Чешуи торг держал, иной с алтын кальчужный кругляк шелушистый, иной с гривенник. Торг вёл, с себя чешую плёл, да в ожерелья и бусы выделывал. От баб и девиц отбою и отмашки не было.

А Медведь Медович, голова-бедова, нога-липова, пасекой дорожил. Пчёл, ос, да жуков в ус кружил. Ульи по всему околóдку ставил – сотами торговал, мёд лил, люд пьянил, детей лакомил, князей, воевод, да попов потчевал.

Ох, и дружны, да любезны друг дружке были Кит Китович, да Медведь Медович. С первыми лучами солнышка, молитву к Богу, у креста поклонного на тракте вместе зачинали. Квасу, да сбитня осемна́дцати вёдер выпивали, да, тут же кáжный за свою работу и принимались.

Кит Китович в Светлояре-эзере выкупается, чешуёй заиграет, с гривка фонтаном брызнет, да волной гладкой из вод, аки величавый баля́рин выйдет – дух тины да заводи пустит, ду-ду-ду! ту-ру-ру!.. корабельным гулом мал малá ребятишек вокруг себя соберет. На ветру посохнет, да на торжище с той гурьбой мальков и отправится.

Идет по проулкам, чешуя на свету сапфировыми бликами играет. Вот так диковина! Хвостом по углам изб да домов тят-ляп, хлоп-шлёп. Глаз, пуще орлиного кру́гом вертит, всё óпрометь видит, всё примечает, каждого отмечает.

- Здрав буди, Китяшечка, сын Рыбакитский! Дай Божеч тебе мошнё́ вместо торбы, да выручки доброй. Вели кланяться!.. – то и дело, слышит он из окон, да с крылец, с углов, да с городских сборищ. Уважают Кита-Китовича китежане, добрым словом поминают.

А Медович Миша, опосля́ молитвы бортничать отправляется. В лесу шáрится, нюхом на ульи питается. С пчелами беседу ведёт. А причина всё – мёд. К полудню скарб медовый на воз взгромоздит, да и на торг. Белки с зайцами скачут вослед, да всё в толк не возьмут - чавóй-то Медович к лю́дям-то зачастил? А Медведь на возу сидит, да знай себе урчит, да подкряхчивает. И то, дело!

До городу справится, с возу скатится; Медведь-плясун, Медведь-рассказчик, скоморошьи удали образчик. И вертётся и кру́жится и притоптывает, быль да небыль в разных лицах нашёптывает. Детишки покатываются, старшие лóбятся, вон, оно, как оказывается, а другой кто и за работу, чай, юрчее примется. Не бедовый Медведь, а медовый! Так и прозвали.

На торгу сойдутся Кит Китович и Медведь Медович, рядышком встанут, и ну, давай друг дружки товар поносить почём зря. Да так блудили языками, так скабрезничали, так заливались в тяжбах словесных, да в ругани – света белого не взлюбишь, коль всё выслушаешь.

Бывало, обступит народ великанов. Медведь на рык переходит, лапами машет, крюки свои коготочные выпячивает. Кит вздувается да хвостом землю бьёт, Иерихонской трубой ревёт:

- Да твои соты, все сплошь для рвоты! Да и мёд твой милой, ой дрянной, ой гнилой! Гадость, а не мёд, в рот не идёт.

Медведь нос вытянет, губу оттопырит:

- Чешуя твоя, никому не нужна да и сам ты рыбёшка, дурной немножко! Коль с дурного кожаца, в раз занежится! Тьфу!..

Люди постоят, послушают, медку, да рыбьего жиру покушают. Ай, да соты, ай, да чешуя! Разберут всё. А тоя́, брань да склоки всё ведут, неуёмные. Вот так диковина! Чудно́.

К вечеру пораспродадут всё до последней чешуйки, до последней соточки, обьмутся будто хмельные да разгульные. Бредут, мычат, шатаются, бражничками притворяются.

...ой, лю-лї-ли лїлюшки,
дай нам Боже дурюшки,
дай и вразумленьца,
верим, а не верится.

ой, лю-лї-ли лїлюшки,
не дай Боже гбрюшки,
а дай Боже втюриться,
был петух – стал курица...

Идут, песнями, да частушками горло дерут, а сами, гляди того, копеечку каждому нищему, да просящему подбрасывают. Ни одной церкви, ни одной часовенки, не пропускают, а как наткнутся на святыню, да на крест какой, тут же умолкнут, да на купола крестятся.

Не всяк дружбу их принимал, не всяк понимал. Иной у виска перстом крутил, другому дурак приходил, да так и остался. Поглядят им в след, миг, другой... их нет. Ни пылинки, ни тени, ни шороха.

А правил тогда в Китеж-граде князь - не князь, царь – не царь, а Китовр́ас-песьеглавец, воевода, тьма Русалимович. Гнедой саврас, на человечесьих раменах главу пёсю со взглядом орла несущий. Богатырь, коих свет не видывал, из заморских земель призванный. Ох, и нехристь, Каина нёресть. По ночам колдун, пополудни ведун, по утрам гадает, вечерами шепчет-камлает. Ох, и настрадались от него китежане, ох, и наплакались.

Случилось как-то, что он злых, да лободырных языков про Кита Китовича и Медведя Медовича наслушался. Взахлѐб напился. Знать, советчиков у него пруд пруди, да в оба гляди. Праздный глаз зол, хитѐр да завистлив. Те, мол, двое, торгуют-торгуют, а выручку пропивают. Ой-ли?! А ведь, рыбец-громадина златой Кадуцѐй на себе носит, весу не меньше пуда, - шепчут Китоврасу в левое ухо. А Медведь-шатун Уробѐрос златой на шею повесил, кто его взвесил? тоже велик, да тяжѐл, - нашептывают ему в правое. Силу Кадуцей с Уроборусом имеют

волшебную, привлекают удачу в земных делах для Небесного оправдания. Призадумался Китоврас. У самого-то око завистливое, да злосчастное. Пожелал Кадуцей, да Уроборос диковинные себе заиметь, самому носить похваляться, в чужой зависти купаться. Велел Алканоста позвать – птицу царскую, кладезь мудрости неземной, деву вещую, владычицу забытья, воронёными перьями да крыльями отмеченную. Век за веком, невольничью службу Китоврасу служившую. Тот час звальщики, да зовуны, горлопаны, да зазывалы понабежали, глотки луженные, рёвом обожженные, залу царскую заполонили и во все четыре стороны света, как завыли, как затянули: «У-у-у-у... у-у-у-у...» Всё вокруг разом померкло, ни зги не видать, ни точки, только с воем ветер кружит, от него всё трепещет, дрожит. Страшно-о, жуть!

Вдруг послышалось эхо дальнее, и ударил гром неслыханный, сотряс палаты величавые, молнией блеснула прорезь белого света, чудным фимиамом наполнились своды. И явилась Алканост, краса-диво, птица да дева, чудо, да взаправду.

Пал Китврас на все свои четыре колена, руки до самого неба воздел, заскулил, подвывая по пёсьему, и лживо так криводушничал:

- Мил друг! Пава дивная! Слог истинный, былинный! Сказуй, да слышь. Реки да не зарекайся! Ой, не ладно во граде моём, ой, да не ровненько! Ты сама-то взгляни, очи дивныя! Погляди на торги моя нищия. Чешуя всё да мёд, кроме бубликов. Да в казне-то дыра, что драконья нора. По копеечке катит-катится, да все мимо казны, да приказчиков. Кит Китович, да Медведь Медович виной тому. Чую матушка, чую вещая! Я Киту поносить Кадуцей давал, золотой такой, змейки с крыльями, до сих пор не вернул рыба мерзкая, ох, и ласты его загребущие. Ты Кита разузнай Пернатая, закрома его, подпол с золотом, тайну выведай, не утаивай, Кадуцей заberi, больно дорог мне. А что спросишь с меня, будь, по-твоему. Всё исполню, вели токмо, станет ти.

Вспыхнул глаз из-за крыл воронёных, да такой, что дух спирает, да мураш по хребтине бежит, извивается. И как песнь страдалицы глас израненный прорезался:

- Будь Китоврас тут, страж мой, мающий! В скорости жди. О Ките Китовиче всё ведать будешь, Кадуцей обратно получишь, а меня после на волю отпустишь, а коли вновь неволить вздумаешь, пеняй на себя!.. смерть неминуемую примешь, лютую!

Взмахнула крылом, глазом ёрнула, да взмыла под своды хором княжеских. С шелестом чёрным выпорхнула. А ветра-то за ней, да тьма, да потемки.

А Кит Китович, да Медведь Медович в час поздний, в ночи звёздной, меж тем дела свои правила, да тайны свои решали, кажный в своей вотчине. А была у них тайна, ох, и сокровенная, ох и подспудная, не для чужих глаз, не для праздных ушей, а для Божиего взора, для Его Суда Страшного, непреложного. Им и нужно-то было в поношении дни свои иждевать, да к ним труды прилагать. Божию закону, да Писанию следовать, да чтоб никто не смел даже аукнулся, чтоб никто не прознал, не проведал. Иначе смерть - геёнский вопль в безвременье.

Алканост летит, всюду внутрь глядит, всюду глаз кладёт, всё и вся найдёт.

Мчит Алканост, щурится, над морскими волнами кружится, Кита Китовича высматривает, душу его выискивает, в сердце его взглядеться хочет. Уж в один конец летала, дно всё выследила, выглазила, уж в другой, нет нигде, пусты воды тёмные, рыбой да водорослями замощенные. Утомилась Алканост, дух перевести решила. Смотрит, посреди окияна остров-скала мерещится, волны о камни плещутся, лунным светом отцвечены. Приблизилась, а на острове обитель стоит непреступная. Крепостных стен сплошь камень-гранит в пятьдесят аршин вверх выстроены, да всё с башнями, да с бойницами. Села ведунья на башенку, невидимой сделалась.

Глядит чужеглядь, внимает, смыслы все обымает. Обитель сия – монастырь киновійного жительство, вона как! Одна половина мужеская, другая бабья, чернецы, да черницы населяют её, и все сплошь богомольнички, да труднички, Бога сподручнички. За высоченными стенами храмы всё, да часовенки.

Чу! Да, что за торжество, что за празднство? Трезвон в звонницах, на хорах поют радостно. Суета во дворе, «ох», да «ах» кругом, а насельнички-то всё бегом-бегом. Каково же было удивление, пока слушала звон, да пение. Врата монастырские отворились, чернецы с черницами расступились, волна выступила, Кита Китовича выпустила, с крестным знаменем, да с поклонами.

- Вот, боголюбие ваше и жертва малая. Жертва малая, да сердешная. Примите на храмы Божии, на жизнь затворную, иноческую, - загудел он вполголоса, и высыпал посреди двора монет медных, серебряных, да золотников. И не десяток, не два, не сотню, а тысячи.

- Да меня, простите охальника. Дюже сраму, да своры удельника. Помолитесь о мне неприкаянном, грешнем Божьем рабе Кит-Китовиче!

- Бог простит тебя Чудо-Кит Рыбакитский сын! Да и ты нас в своих молитвах поминай, отче, - отвечают ему мужи, братия. – Повечерье, да Полуночницу справь с нами, батюшко!

Тут же врата отворились соборные, зашевелилась, задвигалась течь богомольная, клобуки, стихари, да скуфеечки. Прислушалась Алканост, а из церкви, да с неба песнь какая-то льется, вроде гимна поётся, да нечеловечьими голосами, а ангельскими: «Свят, свят, свят... да, свят, свят, свят...». Кит Китович глазищи прикрыл, да над храмом взмыл, приподнялся. Парит, в ночное небо глядит, да весь светится, в умном делании, да в умилии. Присмотрелась Алканост, а Кит опоясан лентой невидимой, а на ленте той золотой Кадуцей машет крыльями, по стержню его два змия вьются да догнать друг друга не могут. Знак тот якорем, как бы, служил молитвеннику. К земле его тянул, к дольному. То был крест его наперсный – торг вести, да всем помогать. У Алканоста глаз блеснул, ветер крылья вздул, ринулась в высь к Киту, сорвала Кадуцей с него во мгновение, да и скралась в сизом облаке, только её и видели.

Ничего не почувял Кит Китович. Вроде, легче ему как-то стало, свободнее. Как творил он молитву над обителью, так и творил по-прежнему, только в свете луча тонкого, вверх подниматься стал, да в скорости скрылся в глубях небесных. К Богу, до дому отправился.

Возвратилась в Китеж-град Алканост, да всё Китоврасу поведала, как было, что видела, чего слышала. Кадуцей золотой отдала ему и тут же свободу от вековых уз колдовских обрела и исчезла, будто и не было вовсе.

Китоврас Кадуцей на себя надел, пуще прежнего рассвирепел. Лаять стал, рычать, скалиться. Видать лёгкая добыча, голову вскружила, на раз обворожила. Белел позвать Птицу-Гамаюн - ворожею ворожей, да прорицательницу, предвестницу начал и конец, на главе царский венец, перья острые, да пёстрые, хвост раскидистый, манящий, в оцепенение, да в дрожь приводящий. Век за веком, невольничью службу Китоврасу служившую.

Тот час крикуны, оруны, глашатаи, горлохваты, да горланы с шумилами понабежали, жёрла, а не горла, не зевы, а воронки звенящие, залу царскую заполонили и во все четыре стороны света, как занули, как грянули: «О-о-о-о... о-о-о-о...» Всё вокруг разом померкло, хоть глаз коли, тьма кромешная, только с воем ветра кружат да народ ворожат. Бо-оязно!

Лишь только скрылось эхо дальнее, поднялся рокот чудовищный, сотряс палаты величавые, молнией блеснула прорезь синего света, чудным фимиамом наполнились своды. И явилась Гамаюн, краса-диво, птица да дева, чудо, да взаправду.

Пал Китоврас на все свои четыре колена, руки до самого неба воздел, слезою блеснул печальную, да кривым, притворным голосом молвил повизгивая:

- Мил друг! Пава дивная! Слог истинный, былинный! Сказуй, да слышь. Реки да не зарекайся! Жутко стало во граде моём, сплошь татьба-разорение! Ты сама-то взгляни, очи дивныя! Погляди на торги моя скудныя. Чешуя всё, да мёд, кроме пряничков. А в казне-то брешь - Святогóрова плешь. Ни копеечки нет, на княжение, на княжение, да на служение. Вот сижу тут, как голь перекатная, весь во вретище, на цинóвенках. Кит Китович, да Медведь Медович виной тому. Чую матушка, чую странница! Уроборос Медведю носить давал, золотой такой, змейка хвостик ест, до сих пор не вернул косолапина, ох, и когти его ненасытные. Ты Медведя разузнай Гадалочка, закрома его, клады с золотом, тайну выведай, не утаивай, принеси Уроборос обратно мне, больно дорог, остался от маменьки. А что спросишь с меня, будь, по-твоему. Всё исполню, вели, так и сделаю.

Распушился хвост, глаз иглой блеснул, да такой, что не скрыться, не спрятаться. И как визг горюньи горемычной глас диковинный ответ держал:

- Жди Китоврас, страж мой мýтарный. Солнце ещё не взойдёт, всё о Медведе ведать будешь, Уроборос назад получишь, а меня после на волю отпустишь, а коли вновь неволить задумаешь, пеняй на себя!.. смерть мгновенную примешь, страшную!

Хвостом вильнула, грозным глазом шевельнула, да взвелась под своды палат княжеских. С диким свистом, да посвистом выпорхнула. А туман-то за ней, да хмарь, да марево.

Гамаюн летит, всё вокруг глядит, быстр и тих полёт, всё и вся найдёт.

Несётся Гамаюн, поглядывает, над лесами дремучими кружит, Медведя Медовича высматривает, душу его выскивает, сердце его почуять хочет. Уж летала она, летала, все глаза выглядела, в́иморгала, нет нигде, пусты леса непролазные, дикой птицей, да зверем исполнены. Утомилась Гамаюн, дух перевести решила. Смотрит, а над верхушками сосен, вдали кресты да купола лёмеховые кажутся. Приблизилась, а там засека, частоколом дубовым на ней скит огорожен. Из-за стен купола церквей, да звонниц, да голоса богомолец. Села чародея на храмову маковку, незримой сделалась.

Глядит чужеглядь, внимает, смыслы все обымает. Скит сей – пúстынька монастырская, вон-а что! Одна в ней половина мýжеская, другая бабья, иноки, да инокини её населяют, и все сплошь молитвенички, да подвижнички, Бога соработнички.

Чу! Что за странное ликование, что за славление? Перезвон в звонницах, на хорах величавое пение. Суматоха везде, все снуют, спешат, подрясничками

шуршат. Каково же было удивление, пока слушала звон, да пение. Врата монастырские со скрипом, да дребезжанием отворились, иноки с инокинями расступились, пыхтя да кряхтя Медведь вошёл, с крестным знаменем да с поклонами.

- Вот, послушничество ваше и жертва малая. Жертва малая, да от сердца вся. Не чурайтесь, примите на Божий храм, да на жизнь отшельническую, черноризскую, - заревел он вполголоса, и высыпал посреди двора монет медных, серебряных, да золотников. Да не десяток, не два, не сотню, а тысячи.

- Вы меня уж, простите бесстыжего. Всем невежам – невежа во стократ. Помолитесь, о мне опостылевшем, лютом грешнике Медведе Медовиче!

- Бог простит тебя чадо Божие! И о нас, отче, Бога поспрашивай - отвечают ему сестры, братия. – Нынче будем служить Повечерие, приглашаем тебя, низко кланемся!

Вот врата резные, соборные отворились, ризы черные зашевелились, друг за дружкой, во храм, на молитву поспешествовали. Прислушалась Гамаюн, а из церкви, да с неба песнь какая-то льется, пененáйкою* поётся, да нечеловечьими голосами, а ангельскими: «Осанна... да, аллилуйя...». Медведь Медович глаза сомкнул, голову низко склонил в покаянии, да медленно поднялся над собором, будто бы ветром вверх подброшенный. Над крестами, да над куполами висит, силой молитвенной держится, не падает. Светом нетварным поддет, да воня благовонная от него шибко исходит. Видит Гамаюн, а шея медвежья Уроборосом златым опоясана. Змий извивающийся хвост свой заглатывает, да так по кругу и ползает, на вечность указывает. Знак сей, как бы якорем служит Медведю. Земле, да земному удерживает. То крест его наперсный – торг вести, доброту, да радость нести, да не зевать, а всем помогать. Сверкнул молнией глаз Гамаюн-птицы, хвост расправился размашистый, ринулась в высь к Медведю, сорвала Уроборос с шеи его во мгновение, да и скралась в дымке матовой, только её и видели.

А Медович и не заметил. Вроде, как ветер. Да и легче ему как-то стало, свободнее. Как творил он молитву над скитом-пустынькой, так и творил по-прежнему, только в свете луча тонкого, вверх подниматься стал, да в скорости скрылся в глубинах небесных. К Богу, до дому отправился.

Возвратилась в Китеж-град Гамаюн, да всё Китоврасу поведала, как было, что видела, чего слышала. Уроборос златой отдала ему и тут же свободу от вековых уз колдовских обрела и исчезла, будто и не было вовсе.

Китоврас на шею Уроборос надел, в зеркала долго глядел. Пёсым носом водил в стороны, дикóвенные обновы свои разглядывал. Вдруг златые змеи на

Кадуцее стальными сделались, расползлись по ногам Китоврасовым, одна заднюю обхватила, другая переднюю, да впились зубами в них острыми, ядовитыми. Древко же крылатое иглой обернулось и вонзилось в грудь его гордую. Обездвижился песьеглавец, от боли и страха в дрожь его бросило. Приказал слугам снять с него змей стальных, да иглу вызволить. Да ничто их не берет, как литые вросли. Тут и Уроборос на Китоврасе закружился вдруг, сжимать шею стал его косматую, точно ухватом раскаленным. Не вздохнуть ему стало не выдохнуть. Глаза выпучил, язык на бок вывалил. Уж шептал Китоврас колдовской наговор, уж кропил себя, то зельем, то кровию. А заклятье никак не снимается. Только пуще петли стягиваются, да все глубже игла вонзается. Раздосадовался, взвыл, велел Сирин позвать – птицу райскую, всевидящую, дивным пением пленяющую, разум помрачающую, вестницу бурь и несчастий.

В сей же час трубачи, дудильщики, дудари, да свирельщики, горнисты с горнами семиаршинными, надувалы, да поддувалы, залу царскую заполонили и во все четыре стороны света, как затрубили, как задули: «Ту-ру-ру-у... ту-ру-ру-у...» Окрест всё помрачилось, вмиг потемнело, морок настал, темнотища, только с воем ветра кружат, да народ ворожат. Спаси и сохрани!

Лишь только скрылось эхо дальнее, поднялся рокот чудовищный, сотряс палаты величавые, молнией блеснула прорезь жёлтого света, чудным фимиамом наполнились своды. И явилась Сирин, краса-диво, птица да дева, чудо, да взаправду.

- Знаю, с чем ты позвал меня, страж мой, горечь моя. Знаю... - гулом раскатистым зазвучал, застенал голос Сирина. – Золотые обновы твои, не безделицы драгоценные, не для праздного украшения, а для сугубого крестоношения. Тот, кто их носит, другим радость приносит. А коли не так, то погибель тому, сгорит без огня, без дыма, пеплом, золой, пылью станет. В плоть они вонзаются, краёв души касаются, яды пускают, нутро испепеляют. Есть лишь одно средство спасения, одно задание – Крестное знамение! Да молитва от сердца сказанная:

«Во Имя Бога Отца, Сына Христа, и Духа Святаго.

Сочетаваюсь Тебе, Христе Сыне Божий,

отрекаюсь тебе сатанó, идол ложный».

Замахал Китоврас ручищами, захрипел, заскулил, задёргался. Что угодно готов был исполнить, да только не то, что Сирин наказала. А вокруг него, как

затряслось всё, загудело, адским воем наполнилось. Уж давно он бесовскую службу несёт, как тать души крадёт да в полон уводит, в темницах да на дыбах изводит. Уж давно он сам хуже демона, во страстях живёт, крови невинной жаждет, у кого украдёт, кого ночью убьёт, кривду с правдой мешает, мир Божьего света лишает.

Почернел Китоврас Русалимович, точно уголь сделался, пламя адское внутри его пылает. Стоит, не шевелится. Подлетела к нему птица Сириин, крылом-пёрышком легонько взмахнула, вдруг тишина сделалась великая, в прах и рассыпался человекоконь песьеголовый, пеплом черным обернулся, развеялся. Кадуцей с Уроборосом наземь упали, ярким золотом засверкали.

Сириин же тотчас свободу от вековечных уз колдовских обрела и исчезла, будто и не было вовсе.

Все приспешнички, да советнички китоврасовы в страхе, в ужасе разбежались, чуть друг друга не зашибли. А китежане возрадовались, да возликовали, праздновать стали, и день сей памятный, праздником нарекли избавления, Избавьднём.

Кадуцей золотой - древко райское с крыльями ангельскими и змиями времени в обитель, ту, что в окияне на острове передали. Свято-Ибнин Скальный монастырь зовётся. По сей день, как святыню монахи хранят его бережно. Благодетель и сомолитвенник их Кит-Китович Пятидневный, аж, Пятого Дня Сотворения мира был. Всем китам праотец, всем рыбам царственный старец. Левиафана, чудище морское великое, веками стерёг от злых дел, пока Господь его не поразил. Во чреве своём три дня Божиего пророка носил, слушал его, внимал, Божий суд запоминал, а по третьем дне по Божьей воле изблёвывал. Прообразом Гроба Господня послужил. Великим Потопом Ноев Ковчег блюл, да оберегал. Слуга его езерный, по его повелению статёр Симону-Петру передавал в уплату за себя и за Христа Иисуса. Кит-Китович ИХТИС - «рыба» значит по-гречески, всем рыбам Рыба, начертанием Самому Христу Богу стал. Вот, честь-то какая! Так в древней летописи монастыря и сказано.

А золотой Уроборос – символ вечности, равновесия меж миром горнем и миром дольнем, китежане в лесную пустынь отправили. В Сергиево-Серафимовский скит, в народе Медвежьей пúстынькой прозванный. Чтят иноки его и теперь, с особой заботой хранят. Медведь Медович этой пустыньки строитель, да благодетель тот самый медведь, что из рук преподобных отцов отшельников в русских лесах, хлеб вкушал, у ног их лежал, слушая, да кушая, внимая, да глаголы Истины запоминая. Аж, Шестого Дня Сотворения мира Медведьюшка, всем медведям прадедушка. Всем зверям старче незапамятный, великий. Ученик Валаамской ослицы, вола и осла Вифлеемских собеседник.

Иерусалимского ослѣти Господаносца друже, да побратиме. Льва Египетского Гробокапателя добрый знакомец. Истый церковник, да богомолец. Хоть и медведь, а набожный. Таких уж нет. В скитской летописи так и сказано.

С тех пор, в Китеж-граде в честь Кита Китовича и Медведя Медовича улицы ведущие к торгу Китовой, да Медовой звать стали. На торговой площади Голгофский крест из кипариса, кедра, да певка а осмѣ концов поставили, памятный. Кто у него остановится, да поклонится, Кита, да Медведя помянет, Бога прославит, жизнь свою исправит.

С тех пор минуло много веков. А в Батыево нашествие вече китежградское соборное решило град затопить до Судного Дня самого. Чтоб не развратили людей, не разграбили церквей, чтоб не впасть во искушение, потерпеть решили лишение. Так ушел Китеж-град под воды Светлояра-езера, так и стал былинным, да невидимым.

Одни говорят, будто само имя Китежа от Китового, да Медвежьего происходит, да точно ли то, может и так, Бог весть. А только в ночь ясную над местом тем, два созвездия ярче других светятся. Да уж больно Кита, да Медведя напоминают. Будто те в сваре, да в перепалке меж собой вяжутся, Христа ради юродствуют.

*Пененѣйки – т.н. попѣвки; прибавление к тексту церковных песнопений посторонних слогов. Применялись в русской церковной практике до XIV века, как отголосок глоссолалий апостольских времѣн.